

*Я звал тебя по имени.
На все четыре стороны
Без роду и без племени
Летели крики-вороны.
Я звал тебя по имени,
Срывая сердце возгласом
Летели крики-всполохи,
Дождём скрывая скорбь мою,
Я звал тебя по имени,
И отзывалось шёпотом:
«Зови меня,
Люби меня,
Пока я не вернусь к тебе».*

Кем пугают непослушных детей

Поняв, что расшалившихся детей не унять, учитель взял деревянный брусок и постучал по столу. Некогда на бруске был написан чэньюй, но теперь от него остались лишь две или три неразборчивые лигатуры, остальное стёрлось — так часто им пользовались во время занятий.

Ученики сейчас же расселись по своим местам и притихли. Они все были похожи друг на друга — маленькие, остроносые, желтоглазые, — настоящий цыплячий выводок.

- Что ждёт непослушных детей? — прикрикнул учитель.
- Острый клюв, — нестройным хором отозвался класс.
- Что ждёт послушных детей?
- Пуховый бок.

Учитель одобрительно кивнул.

Некоторое время в классе слышалось лишь шуршание кистей по бумаге: ученики переписывали с доски новые слова. Учитель прошёлся между рядами, поглядел на результаты их стараний и резюмировал:

- Как курица лапой.

Ученики горделиво приосанились, услышав это. В птичьей школе горы Певчих Птиц это считалось похвалой.

— Учитель, учитель, — законючил пухлый мальчишка с заднего ряда, — расскажите историю!

Учитель уже вернулся на своё место и теперь поглаживал бороду, обдумывая просьбу ученика.

- Если разучите чэньюй о Трёхномом, — сказал он.

После этих слов в классе воцарилась тишина, которой позавидовало бы даже кладбище.

— О Трё-ёхномом? — пролетел пухлый мальчишка, бледнея.

Учитель довольно хмыкнул и велел:

— Начиная ты, остальные продолжают.

— Чем-е-нее ночи е-его крылья, — кое-как выговорил пухлый мальчишка, и его лицо стало совершенно серым.

Ученики, кто посмелее — громко, кто трусливее — заикаясь, строка за строкой зачитывали эньюи о Трёхногом из «Поучения цыплятам».

— Когти его — острые иглы.

— Лапы его упираются в Небо.

— Клов его нацелен на Землю.

— Подумал о нём — схоронись.

— Увидел его — не спастись.

Учитель одобрительно кивал. Они хорошо выучили урок.

— Историю! Историю! — стали просить ученики, видя, что настроение учителя переменялось.

Учитель благодушно спросил:

— О ком рассказать?

Он знал много историй о птицах горы Певчих Птиц, и к концу каждого занятия непременно рассказывал одну или две. Ученикам полагалось их знать, ведь это была история народа Юйминь, к которому принадлежали и они.

Пухлый мальчишка хотел попросить учителя рассказать о воробье и богомоле, но его опередила веснушчатая девочка:

— А почему у цзинь-у* три лапы?

Вновь провисло тягостное молчание.

— Пеструшка, ты что, спятила — такое спрашивать? — захныкал пухлый мальчишка. — Теперь Трёхногий прилетит и закроет нас насмерть!

Та, кого назвали Пеструшкой, несколько не испугалась:

— Как будто существуют птицы с тремя лапами! У всех птиц по две. Или одна, если птица хромая. А три — это две лапы и костыль!

Кто-то из учеников нерешительно шепнул:

— А я слышал, что третья нога бывает только у мужчин...

Учитель поспешно прервал его, громко стукнув деревянным бруском по столу:

— Ты ещё маленький о таком знать! Где и от кого ты это слышал?

* Цзинь-у — «золотой ворон», общее название для птиц с горы Яшань (горы Хищных Птиц)

— Нигде, — сейчас же пошёл на попятную ученик.

— А где живут цзинь-у? — не унималась веснушчатая ученица. — Правда, что у них чёрное оперение? Правда, что они едят трупы?

Класс страшно разволновался, учитель долго стучал бруском по столу, потом осторожно, но с долей подобострастия сказал:

— Цзинь Цинь, младшим ученикам не полагается такое знать.

— О чём это им не полагается знать? — раздался у дверей зычный голос.

— Глава Цзинь, — сейчас же поклонился учитель, ибо в класс заглянул высокий мужчина с тронутыми сединой висками и жёлтыми фазаньими глазами, точно такими же, как и у веснушчатой ученицы, — ваша дочь спросила о цзинь-у.

— Ну, так и расскажи, пусть знают, что за бесчестные птицы живут на горе Яшань, — велел глава Цзинь. — Тьфу-тьфу, чтобы никогда не встретить!

Учитель откашлялся и сказал:

— Цзинь-у чёрные оперением, глаза у них кроваво-красные, они убивают и съедают певчих птиц, если те попадутся им на глаза.

— А ещё они воры и крадут у нас чжилань*, — добавил глава Цзинь с ноткой гнева в голосе.

— А третья лапа? — нерешительно спросил кто-то из учеников.

— Хе, — оживился глава Цзинь, — а третья лапа между ног растёт и...

— Глава Цзинь! — возмутился учитель. — Как можно говорить такое детям!

Глава Цзинь несколько не смутился.

— Вот, я же прав был... — послышался шёпот кого-то из учеников.

— Встретить цзинь-у — значит встретить свою смерть, — повысил голос учитель, — запомните это хорошенько. Чему я вас учил?

— «Подумал о нём — схоронись, увидел его — не спасись», — нестройно зачитали ученики.

* Чжилань — общее название волшебных трав

— Нельзя даже думать о цзинь-у, — продолжал сгущать краски учитель.

— Это как о белой обезьяне нельзя думать, — со знанием дела сказала веснушчатая ученица. — А кто-нибудь из вас видел здесь белую обезьяну? Как мысли могут кого-то призвать, если не говорить об этом вслух?

— Цзинь Цинь, не смущай цыплят! — рассердился учитель.

— Будет, будет, — миролюбиво сказал глава Цзинь и незаметно подмигнул дочери.

Учитель вздохнул и распустил класс.

— Так у Трёхногого на самом деле три ноги? — спросила Цзинь Цинь у отца, когда он за руку повёл её из школы домой. — Или он просто с костылём ходит?

— А-Цинь, — строго сказал глава Цзинь, — не говори больше об этом. Накличешь беду.

Цзинь Цинь умолкла.

Но разве можно перестать думать о белой обезьяне, если уж её упомянули?

Ритуальные деньги из золочёной бумаги

Серебряные ножнички в изящных белоснежных пальцах с хрустом взрезали сложенную вчетверо золочёную бумагу. Свет из окна наискось падал в комнату, рассыпался бликами по столу, заваленному уже готовыми узорными кружками и обрезками бумаги. Тёмные волосы женщины, сдерживаемые лишь одной яшмовой шпилькой, струились по плечам, сливаясь с чёрным облачением. У женщины был нездоровый вид, два лепестка губ казались кровавыми на совершенно белом лице.

Дверь в комнату неслышно приоткрылась, в щели появился жёлтый любопытный глаз. Пламя в масляной настольной лампе заколыхалось от сквозняка. Женщина обернулась к двери и позвала:

— А-Цинь?

Жёлтый любопытный глаз сейчас же скрылся за дверью, послышалась какая-то возня, и через прежнюю щель в комнату просочилась девочка с веснушчатым лицом. Любопытство из её глаз никуда не делось, но она явно подражала кому-то из старших, мелкими лotosовыми шажками семеня от двери к столу. Хватило её, правда, ненадолго, и она бросилась к раскрывшей объятья женщине с радостным возгласом:

— Матушка!

Женщина пригладила её волосы и сказала с укором:

— А-Цинь, почему ты такая растрёпанная? Негоже девушке выглядеть так неряшливо.

«Девушке» было десять лет отроду, и её мало заботила собственная внешность. Её жёлтые глаза феникса жадно искали комнату, в которой она не так часто бывала: входить к матери ей позволялось лишь в дни убывающей луны и то ненадолго. У госпожи Цзинь, как говорили, было слабое здоровье, тревожить её лишний раз запрещалось, она жила затворницей.

— Что ты делаешь, матушка? — спросила А-Цинь, двумя пальцами беря со стола золочёный узорный кружок и разглядывая его.

— Вырезаю ритуальные деньги, — ответила госпожа Цзинь, приглаживая дочери волосы. Упрямые пряди на макушке вихрились и не желали лежать ровно. Чтобы с ними справиться, пришлось туго стянуть их лентой.

— Ритуальные деньги? Как много... — А-Цинь запустила руки в бумагу, поворошила узорные кружки. — А для чего они?

— Когда я умру, — ответила госпожа Цзинь, — ты сожжёшь их для меня. Мне уже недолго осталось.

А-Цинь примолкла, размышляя о словах матери. Смерть была нечастым гостем на горе Певчих Птиц. В птичьей школе им об этом не рассказывали. Похороны А-Цинь видела лишь однажды, ей тогда было неполных шесть лет. Покойник, выставленный на солнце, рассыпался в золотую пыль, и его развеяло ветром. Брошенные в жертвенник ритуальные деньги чадили, от дыма слезились глаза. Вот, пожалуй, и всё, что она помнила.

— И что будет тогда? — спросила А-Цинь, шмыгнув носом.

— Тогда я стану свободной, — с загадочной улыбкой отозвалась госпожа Цзинь, набивая бумажными деньгами рукава дочери, и сменила тему: — Чему вас сегодня учили в птичьей школе?

— А! — сейчас же оживилась А-Цинь. — Мы разучивали «Поучение цыплятам», а потом учитель на меня рассердился.

— Почему?

— Потому что я спросила о Трёхномом.

— Вот как, — только и сказала госпожа Цзинь. Ни страха, ни осуждения поступка дочери в её голосе не было. Это девочку приободрило.

— Он на самом деле такой страшный? — прошептала А-Цинь.

— Это было так давно, никто не знает, и именно поэтому он так страшен, — сказала госпожа Цзинь. — Он настолько страшен, насколько позволяют твои мысли.

А-Цзинь задумалась, а потом объявила:

— Тогда он несколько не страшный. Как можно бояться собственной выдумки?

Это была очень глубокая мысль для десятилетнего ребёнка.

— Не думаю, что тебе стоит говорить об этом кому-то ещё, — качнула головой госпожа Цзинь. — Тебя накажут.

А-Цинь с пренебрежительным видом надула и сдула щёки. Учитель наказывать её побаивался, всё-таки единственная дочь главы клана Певчих птиц. Смелости его хватало лишь на то, чтобы поставить её в угол до конца урока за непослушание, тогда как остальным цыплятам за то же самое прилетало деревянной линейкой по пальцам или по гужке.

— А ещё учитель сказал, что если думать о цзинь-у, то он явится и съест тебя, — добавила А-Цинь. — Но откуда цзинь-у знать, что о нём думают? Вот я всю дорогу думала — и не явился ведь. Цыплят просто пугают им, чтобы не шалили, так?

— Хм... — едва заметно улыbnулась госпожа Цзинь, размышляя, что на это ответить. — Ты знаешь, кого называют цзинь-у?

— Воров, которые крадут у нас чжилань? — сейчас же ответила А-Цинь.

— Кто тебе сказал? — удивилась госпожа Цзинь.

— Отец. Он сказал, что они бесчестные птицы и воры, — принялась пересказывать А-Цинь услышанное на уроке. — И что они цыплят живьём глотают.

— Не следует слепо верить всему, что говорят в птичьей школе, — строго сказала госпожа Цзинь. — Цзинь-у — хищные птицы, цзинь-я — певчие птицы, они живут на разных горах и никогда не слетаются. Цзинь-у ловят обычных птиц, а не цзинь-я. Все мы принадлежим к племени Юйминь.

Такого на уроках в птичьей школе точно не услышишь. А-Цинь широко раскрытыми глазами глядела на мать и старалась не пропустить ни слова.

— Матушка так много знает, — выдохнула А-Цинь восхищённо. — Расскажи ещё!

— Если ты пообещаешь, что никому об этом не скажешь, — поставила условие госпожа Цзинь.

Крылья золотой птицы

- Даже отцу?
- Особенно отцу.
- Типун на язык получу, если сболтну, — пообещала А-Цинь, размышляя, что могла означать эта оговорка «особенно отцу».

